

ПОРТРЕТ С НАТУРЫ

Про уродов и людей

Она маленькая, жизнерадостная и смешливая. И голосок у нее звонкий-звонкий. Я пришла к ней домой, а дом у нее необыкновенный: Динара живет на Сене, в лодке. В Париже такое местожительство считается одним из самых престижных: французская мечта — жить в плавучем доме. Огромном, тихом, уютном, как у Динары. Ее дом носит название "Песнь мира", и вся его палуба утыкана горшками с цветами. Она мне так и сказала: "Вы идите себе по набережной, а как увидите много цветов на борту, сразу сворачивайте к лодке".

Я пришла. Поручкалась с Жан-Мишелем, который налил мне кофе и сразу стал собирать их с Динарой маленького сына на рынок. 2,5-летний хозяин "Песни мира" собирался неохотно — он, как и мама, невероятно общительный, и бросать вот так только что пришедших гостей, не показав всех своих игрушек, он не собирался. Насилу собрали всем миром и наказали Жан-Мишелью купить картошки. А сами сели пить утренний кофе. Я и говорю: "Динар, а Динар, это вас мама в кино привела?"

— Нет. Мама услышала о наборе детей на съемки фильма по радио: Аян Шахмалиева для фильма "Это было у моря" искала девочек и мальчиков. И мама сказала: "Хочешь — иди, а мне некогда". А я с детства такая, мне лишь бы покривляться, в цирк поиграть, комедию поломать. И я пошла. Это был 1988 год, мне одиннадцать было. Я позвала с собой, конечно, подружку: но подружку, как это обычно происходит, не взяли, а меня взяли. В этом фильме про санаторий для детей, болеющих сколиозом, про их взаимоотношения я ходила в специальном корсете, с прикрепленным горбом. Такая и была моя первая роль. Но она перевернула все в моей жизни, после нее я заболела кино, я в него влюбилась: пробы, примерка костюмов, грим, озвучание. А потом меня пригласил Виталий Евгеньевич Каневский в "Замри, умри, воскресни". Этот фильм мне очень помог впоследствии во Франции — его здесь смотрели все, он стал культовым.

— Как же вы попали к Каневскому?
— Он искал по всем школам Питера маленькую татарку, и кто-то сказал: вот есть девочка, которая два года назад уже снялась в кино. Так я и попала на пробы. Я была настолько в себе уверенная, мне море было по колено. А Каневскому, видимо, моя непосредственность и уверенность понравились: он такую и хотел — нестеснительную девочку. Потом был третий фильм, продолжение "Замри, умри, воскресни" — "Самостоятельная жизнь". Но так как моя героиня в первом фильме умирает, ее убивают, я не могла играть главную роль в "Самостоятельной жизни". И когда Виталий Евгеньевич не нашел девочки на эту роль, он придумал, что я сестра убитой героини, и взял меня снова. Этот фильм получил приз жюри на Каннском фестивале, хотя я тогда в Канн не попала. Я туда приехала только в 1993 году с фильмом Жени Лунгина "Ангелы в раю".

— Ничего себе, первые шаги в кино — и сразу Канн!
— Да, мне повезло: у меня три фильма были на Каннском фестивале. "Замри, умри, воскресни" — "Золотая камера", 90-й год, "Самостоятельная жизнь" — приз жюри 91-го года и "Ангелы в раю" — 93-й год.
— Как же вы совмещали учебу в школе и съемки?
— Совмещала. Я училась, как и все нор-

Свою карьеру она начала в 11 лет, в тогда еще городе Ленинграде. И пошло, и поехало: что ни фильм — то в Каннах, что ни роль — то успех, что ни съемки — то за границей.

Сегодня она живет во Франции, где известна и популярна. Она постоянно на виду — на фестивалях, в кино, в прессе, на ТВ. Молодая талантливая актриса.

27 лет, почти 20 фильмов. Много ли молодых да красивых могут похвастать такими достижениями? А Динара ДРУКАРОВА — запросто.

ПАРИЖАНКА

Скромная горничная в том же фильме.

Динара ДРУКАРОВА:

"Раздеться — это не самое сложное в профессии актера. Это только ваши взаимоотношения с вашим же телом".

мальные дети. Правда, "Замри, умри, воскресни" снимали долго, и я не ходила год в школу. Но ко мне на дом приходили преподаватели, так что я даже не пропустила ни одного класса.
— Почему же после школы вы не пошли в театральный?
— Ходила! В питерский театральный меня не взяли, сказали: "Очень киношная девочка — она подпорчена кинематографом". И в Москве ходила... А мои родители настаивали на высшем образовании — как, в общем, все родители. Они говорили: "Что это, актерство — сегодня есть, а завтра нет. Через 10 лет станешь старенькой и сморщенной, и никто не захочет тебя снимать, что тогда?". В результате я окончила питерский университет, факультет связей с общественностью. Я, кстати, стала первой дипломированной специалисткой — выпускницей по пиару: университет называется ГЭУ — Государственный электротехнический университет — чтобы стать университетом, ему нужен был гуманитарный факультет. Вот они и придумали отделение PR, на которое я поступила. И не жалею — учиться было очень интересно: философия, социология, английский, французский.

— А во французской прессе пишут, что вы французский выучили не в университете, а на съемочной площадке.
— Почти так. Это было в 93-м

году: в Канне со мной познакомился один французский режиссер, который предложил мне роль в фильме "Сын Гаскони" с Мариной Влади. Но с одним-единственным условием — за три месяца выучить роль на французском. А так как роль была главная, то текста было много. И я начала учить язык. С преподавателем, конечно, он мне и помогал готовить роль. А потом уже пять лет я его учила в университете.

— Но вы понимали тогда, на площадке, что вы говорили партнерам, или это была зазубренная роль?
— Что говорила — понимала. Но очень часто я не понимала, что говорили мои партнеры. (Смеется.)

— Ваше окружение как отреагировало

что хочешь. Все деньги я потратила на путешествия — я жила тогда в самолете, постоянно куда-то ездила, стояла в очередях за визой. Именно тогда во Франции я встретила своего любимого человека. Он был директор консалтинговой фирмы и не имел никакого отношения к кинематографу, а я очень часто ходила на разные вечеринки, выставки. На одной вечеринке мы с ним и познакомились. Потом он ко мне в Питер приехал, а сюда часто ездила. В конце концов мы решили пожениться. И не надо было жениться. Потому что очень скоро, через шесть месяцев, мы развелись. А я жила уже во Франции, и для меня вся моя дальнейшая жизнь стала совсем непонятна: я знала, что мне будет сложно сниматься из-за акцента. Хотя, с другой стороны, предложения какие-то поступали, в России же вообще в этом смысле все было пусто. И я решила попробовать. Попробовала. Вот и живу здесь уже пять лет.

— Вам не тяжело было в чужой стране одной после развода?
— Ну-у, финансово я всегда была самостоятельная, деньги никогда не были для меня большой проблемой. А еще у меня было полно друзей. Я общительная, я очень люблю друзей. Так что одна, думаю, никогда не останусь. К тому же очень скоро я познакомилась с Жан-Мишелем — он у меня продюсер и дистрибьютор фильмов. Я его знала давно, но мы с ним долго не виделись и не общались. И однажды я приехала к нему в офис за приглашениями на аван-премьеру: он был продюсером фильма одного моего хорошего друга. Приехала и влюбилась. Все было как во сне. Мы вместе уже три года, и нашему счастью уже два с половиной — бегает вовсю. Иногда мне кажется, что я недостойна всего этого. У меня есть муж. У меня есть сын. У меня есть дом. У меня есть любимая работа. А сейчас у меня совсем жаркий период, даже нет времени на себя — делаю два фильма подряд. Сначала снимаюсь у американского режиссера, играю на французском, с прекрасными актерами — Ирен Жакоб, Лоран Люкас. А потом сразу начнутся съемки датского фильма, с датским режиссером и на английском. Что будет дальше, не знаю. В моей профессии самое неприятное — выжидать. Даже когда есть предложения. Вон у меня пять сценариев лежат, но я же не могу на все согласиться.

— У вас даже есть возможность выбора?
— Да. Но какого выбора! Если бы все фильмы были гениальные. Часто эти проекты неинтересны: неинтересные роли, режиссеры. Во Франции любой, кому не лень, может снимать кино, здесь кинематограф субсидирует государство — многие фильмы так и не выходят, лежат на полке. И если соглашаться на все, что тебе предлагают... Плюс ко всему мне часто делают специфические предложения, с одним и тем же сценарием — бедная девочка из страны бывшего коммунистического блока приезжает во Францию, влюбляется в сутенера и становится проституткой или наркоманкой. А русских проституток мне играть как-то неохота. Почему предлагают? Из-за акцента. Но я все-таки снимаюсь в хороших фильмах. Просто нужно сделать свой главный фильм, тогда произношение не будет играть никакой роли. Во Франции много актеров играют с акцентом — Сержио Лопес, Виктория Абриль.
— Ну вы уже сделали такой фильм. Во Франции вы с лентой "Про уродов и лю-

дей" произвели настоящий фурор. И фильм стал лучшим фильмом года на Каннском, и пресса вас как лихо отметила. Одни заголовки чего стоили: "Садомазо? Нет, спасибо!", "Обожаемый монстр", "Русско-французская кукла".

— Это спасибо Леше Балабанову, он меня пригласил. Очень сложная у меня была роль. И сам фильм — красивый и насыщенный — был сложным психологически. Да и Алексей Октябрьнич не самый простой режиссер, он заставляет актеров выкладываться на площадке полностью. Но я обожаю Балабанова, это было счастье для меня — работать с ним. Фильм стал для меня великолепной школой, школой вхождения во взрослую жизнь. Он обогатил меня и как актрису, и как человека. Мне вообще в жизни повезло: я встретила несколько режиссеров, которые дали мне больше, чем театральные институты, в которые я не поступила.

— А не сложно ли было раздеться перед камерой, да еще в фильме про садомазохизм, сюжет которого вертится вокруг порнографической фотографии, да еще про то, как главный герой, то есть Маковецкий, любит смотреть, как бабка стегает розгами свою воспитанницу, то есть вас?
— Раздеться — это не самое сложное в профессии актера. Это только ваши взаимоотношения с вашим же телом. Хотя, конечно, я предпочитаю не раздеваться перед камерой. Но если это обосновано, если это часть истории фильма, то это нормально.

— В России вы ведь почти теперь не снимаетесь?
— Редко, к сожалению. Недавно ездила к Бодрову-старшему на пробы. Но не получилось. Однако надеюсь, что меня все-таки не забудут. Может быть, мешает тот факт, что я живу во Франции?
— Слушайте, вам грех жаловаться на не востребоанность.
— Действительно грех. У меня в жизни сейчас все настолько хорошо, что мне даже страшно. (Смеется опять.) Я себя здесь реализую, и мне очень нравится жить в Париже, я обожаю этот город. Со всей его культурной жизнью, с театрами, с кино и с выставками. Я очень часто куда-нибудь хожу. А еще я очень часто у себя принимаю — слава богу, у меня большой дом. Мы уже три года живем на лодке. Жан-Мишель купил ее еще до меня, так что, когда мы встретились, он первым делом сообщил: "Я живу в лодке". И я сказала: "О-о! Как здорово!". Действительно, это очень неординарный образ жизни: ты не только можешь жить в плавучем доме, но можешь прямо с этим домом путешествовать. Мы тоже иногда плаваем. Хотим вот в Голландию съездить — как улитки, вместе с домом.

— Динар, у вас все так радужно, ярко, жизнерадостно. Можно подумать, у вас никогда не было никаких сложностей. А ведь вы актриса — раз, и два — актриса, которая работает в другой стране.
— Конечно, у меня жизнь не всегда такой розовой была. Конечно, были сложные периоды. Были моменты, когда я в неделю на полтора евро жила. И переживания по поводу чужой страны тоже были. Но все это так быстро забывается! Жизнь ведь состоит не только из черных, но и белых полос. На черных я не закликаюсь, их нужно просто побыстрее прожить.

Вика САРЫКИНА, сборкор "МК", Париж.

